

К характеристике вида и проблеме его определения

ЛАСЛО ЯСАИ

JÁSZAY László, ELTE Keleti Szlav és Balti Tanszék, Budapest, Múzeum krt. 4/D, H-1088

E-mail: jaszay@ludens.elte.hu

Abstract: The paper contains a survey, comparison and critical analysis of the most widely known definitions of Slavonic verb aspect. Appreciating their positive features does not prevent the author from determining their negative ones and offering certain modifications to make them more precise. If we accept the presumption that aspect is a universal semantic category which has various manifestations depending on the languages or group of languages (morphologically, syntactically and in terms of the character of opposition), then, apart from defining Slavonic aspect, there is also a need for a universal definition of aspect valid for each language.

Keywords: definition of aspect, Slavonic verb aspect

1. В аспектологии не оспаривают того мнения, что описать славянский вид исключительно в рамках морфологии или в рамках синтаксиса так же невозможно, как описать его как изолированное грамматическое явление без привлечения лексической семантики глагола и прагматических факторов. Этот факт, а также и сложное взаимодействие вида с другими категориями глагола (с такими, как модальность, время и его субкатегории — временная локализованность, временной порядок, таксис) затрудняют его адекватную характеристику в системе языковых категорий.

В сборнике «Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ» опубликованы ответы многих аспектологов на разные актуальные вопросы аспектологической анкеты [ТАС 1997/2: 142–233]. Один из заданных вопросов звучит так: *Как Вы определяете место вида в грамматике языка? Считаете ли Вы целесообразным говорить о виде как о преимущественно морфологической, синтаксической, лексико-грамматической, словообразовательной категории?* [Там же: 140]. Заметим, что речь идет о русском виде, однако ответы можно распространить на славянские языки в целом. Представляется небезынтересным ознакомиться с точкой зрения нескольких известных исследователей. Насколько бы доминирующим ни казался морфологический статус русского вида (такую трактовку можно считать и традиционной), общим в ответах является и то, что вид требует многоаспектного рассмотрения. Ниже процитируем несколько фрагментов из ответов, на основе которых мы можем получить общую картину о сложившихся в этой связи мнениях в аспектологии последнего времени.

Вид в славянских языках представляет собой грамматическую категорию слова, следовательно, категорию морфологическую. Вместе с тем эта категория существенна для семантики (в части случаев и для структуры) предложения. Она существенна для построения высказывания и целостного текста (А. В. Бондарко) [ТАС 1997/2: 144].

Вид — грамматическая категория (обычно выражается при каждой глагольной словоформе). В этом смысле он принадлежит морфологии. Другие отрасли тоже вносят что-то в его описание, но это не столь важно, чтоб считать категорией, к примеру, синтаксиса (Е. Г. Борисова) [там же: 147].

В той системе понятий, которую я принимаю, вид (в русском языке) является преимущественно морфологической (по способу выражения), номинативной (т. е. не синтаксической, во всяком случае — не формально-согласовательной) грамматической категорией (Т. В. Булыгина) [там же: 150].

⟨...⟩ Вид — это лексико-семантическое явление, классификационная категория глагола. Ее экспонентами являются словообразовательные средства, но при отсутствии морфологического выражения вид принадлежит к семантике глагола (*дать, сидеть*) (Р. Гжегорчикова) [там же: 155].

Вероятно, вид является в равной степени и морфологической, и синтаксической, и лексико-грамматической, и словообразовательной категорией. В этом состоит его уникальность (А. А. Караванов) [там же: 168].

Гибкий, подвижный и связанный с передачей разнообразных смыслов характер вида в славянских языках не позволяет при его определении ограничиться логической категоризацией по необходимым и достаточным признакам для отнесения категории вида к тому или иному типу языковых категорий, из чего можно сделать вывод, что исследование славянского вида может быть лучше всего достигнуто с помощью понятия прототипической категории (Е. С. Кубрякова и Е. В. Петрухина) [там же: 173].

Соотношению членов видовой пары невозможно дать однозначную характеристику. По морфемному выражению соотношение, безусловно, словообразовательное, но в то же время нельзя и отрицать, что формы разного вида заполняют клетки одной видовой парадигмы (Л. Лённгрен) [там же: 177].

Вид для меня морфологическая категория, имеющая, как уже замечено выше, прямой выход в синтаксис. То, что он тесно связан со своеобразием лексического материала и что образование перфективного вида зачастую предполагает формирование нового слова, общеизвестно (А. М. Ломов) [там же: 180].

Если же иметь в виду русский язык (на что вопрос и нацелен), то традиционный термин «лексико-грамматический», может быть, наиболее адекватен: вид теснейшим образом связан и с лексикой, и со словообразованием, оставаясь все же по своей сути вне обеих этих областей (В. А. Плунгян) [там же: 192].

На мой взгляд, вид — морфологическая категория в русском языке. Правда, языковые уровни реально, в действительности не существуют в языках, это абстракция, сфера идеального. Поэтому вид относят и к лексико-грамматическому, и к словообразовательному, и к синтаксическому уровням (М. Ю. Черткова) [там же: 221].

Явления языка, как и все явления в мире, не укладываются целиком в известной мере условные, сконструированные умом человека рубрики. Между лексическими, словообразовательными и грамматическими (морфологическими) группировками нет резкой границы (ср. «принцип непрерывности» Лейбница). Категория славянского вида как раз и представляет собой пример «промежуточной» (но только с точки зрения принятой классификации!) категории. По ряду признаков ⟨...⟩ категория вида «более грамматична», чем типичные словообразовательные категории, и в то же время «менее грамматична», чем типичные грамматические категории. ⟨...⟩ Очевидно, впрочем, что вид не синтаксическая категория (но опять возникает вопрос: что понимается под синтаксической категорией?), хотя, безусловно, категория, связанная с синтаксическими явлениями. Важно не то, к какой рубрике отнести вид, важно исследовать эту категорию по существу (И. Б. Шатуновский) [там же: 225–226].

2. Глагольный вид русского языка (тракуемый традиционно и не без основания как морфологическая категория) является на самом деле чрезвычайно комплексной глагольной категорией, характеризующейся свойствами разных языковых уровней: с формальной стороны — не только свойствами морфологии, но и синтаксиса, а с семантической точки зрения свойствами и грамматической, и лексической семантики глагола, а также и прагматики. Если игнорировать любой из этих аспектов, адекватное описание вида становится невозможным. Указывая на определенные типы конструкций, требующих определенной видовой формы в русском языке, Н. В. Перцов [2001: 134] отмечает, что «вид весьма чувствителен к правилам синтаксиса». Более того, вид несомненно «чувствителен» и к лексической семантике, очевидно, что при изучении вида нельзя не коснуться его связи с лексическим значением глагола. На самом деле русский глагольный вид надо было бы называть лексико-грамматической категорией, однако этому мешает тот факт, что согласно русской лингвистической традиции под лексико-грамматическими категориями принято понимать противопоставление таких лексико-грамматических разрядов, как переходность — непереходность, предельность — неопредельность глагола или собственные и нарицательные существительные, качественные, относительные и притяжательные прилагательные.

2.1. Поэтому традиционное признание вида в качестве морфологической (грамматической) категории требует объяснения. Русский глагольный вид считается морфологической категорией¹ потому, что он обязательно выражается и морфологически (морфологической единицей), посредством глагольной словоформы, и при этом в видообразовании участвуют морфемы — префиксы и суффиксы.

Однако следует сразу оговориться, так как видовая принадлежность, на самом деле, определяется не всегда с помощью данных аффиксов (их может даже вообще не быть в глаголе), — при отсутствии т. н. видовых морфем в многочисленных исходных глаголах видовая характеристика непосредственно выводится из значения корня (*спать, стоять, шить, мыть, пить* и др.), в других случаях по «внешнему виду» морфологически однотипные (сходно построенные) бесприставочные глаголы могут принадлежать к разным видам: *просить* (НСВ), *простить* (СВ), *ждать* (НСВ) и *дать* (СВ). Думается, это потому, что перфективность глаголов *простить* и *дать* вытекает из отсутствия в их основе имперфективирующего суффикса, который налицо в их корре-

¹ И. Г. Милославский [1981: 175] устанавливает более строгие критерии, чтобы квалифицировать какое-либо противопоставление как морфологическое. На поставленный им вопрос «Является ли вид морфологической категорией?» он отвечает отрицательно, ссылаясь, в частности, на отсутствие флексийного способа образования. Он рассматривает вид в морфологии на основе традиции, сложившейся еще тогда, когда словообразование считалось разделом морфологии [там же: 176].

лятах НСВ в форме *-а-* (*процать*) и *-ва-* (*давать*), в то время как у глаголов НСВ *просить* и *ждать* коррелятов, образованных суффиксацией, не может быть. В таком случае вид (НСВ) определяется отсутствием перфективирующей приставки. На первый взгляд может показаться, что для принадлежности глагола к НСВ достаточно в нем наличие суффикса имперфективации, однако этому противоречат такие примеры, как *побывать*, *повставать*, *надавать* <чего-л.>, так как эти глаголы относятся к СВ. На самом деле системность относительно видовой характеристики этим не нарушается. Дело в том, что при определении вида необходимо учитывать морфологическое направление образования: в приведенных примерах имеет место не суффиксальная имперфективация, а префиксальная перфективация таких глаголов НСВ, в основе которых есть суффикс имперфективации. Значит, производящими глаголами в этом случае являются *бывать*, *вставать*, *давать* (а не **побывать*, **повстать*, **надать*). Подобно этим примерам, мы имеем дело с перфективацией и при образовании глаголов, содержащих в своих основах помимо приставки и суффикс *-ыва-*: *повыбрасывать*, *повытalkingивать*. Надо заметить, что указанные примеры перфективации связаны с образованием определенных способов глагольного действия. Неслучайно глагол *давать* с любой другой приставкой образует имперфективный глагол (*выдавать*, *раздавать*, *передавать* и др.), однако это результат имперфективации соответствующих приставочных глаголов без суффикса *-ва-*, и в этом процессе создаются видовые пары.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, мы подчеркнем следующее: морфологический характер славянского вида надо понимать так, что каждый глагол (именно глагольное слово, а не глагольная синтагма или предложение!) имеет свою собственную видовую характеристику, в большинстве случаев определенную, независимую от контекста, и только в редких случаях, у двувидовых глаголов, значения СВ и НСВ выясняются в контексте. В отличие от категории вида такого типа, «другие виды» (т. е. другие типы аспектуальности в некоторых неславянских языках) являются в таком смысле не морфологическими, они выражаются в основном синтаксически или другими средствами.

2.2. То, что в практике употребления принято называть видовым значением (это т. н. частные значения видов), на самом деле создается при взаимодействии разных факторов: а) при взаимодействии собственно видового инварианта (общего значения) и некоторых семантических компонентов, свойственных лексической стороне глагольной семантики (таких, как, напр., случайности, моментальности, контролируемости, тендентивности действия), б) контекста (узкого и широкого), в) а также — не в последнюю очередь — и некоторых других категорий глагола, прежде всего категорий времени (особенно относительного времени) и наклонения (или шире — модальности). При полной характеристике вида важная роль приписывается и прагматическим аспек-

там, особенно в повелительном наклонении (см. Падучева 1992, она же 1996: 66–83, Крекич 1993, он же 1997: 137–179, Пете 2001).

В изъявительном наклонении при конкретном употреблении вида под каким-либо частным видовым значением понимается, как правило, то или иное «видо-модальное» или «видо-временное» значение (как напр., потенциальное знач., наст. историческое, наст. профетическое), развивающееся под воздействием контекста и лексического значения данного глагола. После статьи Ю. С. Маслова [1948: 303–316] тесная связь категории вида и характера лексического значения глагола считается уже общепринятой как в современной русской аспектологии (ср., в частности Гловинская 1982; Апресян 1988: 57–78; Падучева 1996: 84–102), так и в современной лексикографии (ср. Апресян 1997: 7–20). Грамматическим в русском языке квалифицируется вид потому, что он выражается обязательно, в противопоставлении однородных значений, и способы его выражения являются регулярными, сравнительно стандартными. Из указанных фактов следует, что само определение вида («Что такое вид?») вызывает серьезные трудности. Поэтому в дальнейшем остановимся на дефиниции этого понятия.

3. Одно из наиболее распространенных определений русского (также и славянского) вида, используемое как в лингвистике, так и в учебной практике, восходит к А. М. Пешковскому [1956, 105]. Согласно этому определению вид выражает характер протекания и распределения действия во времени. Эта характеристика, отличаясь своей простой формулировкой, на первый взгляд действительно представляется приемлемой для дальнейшего изучения проблематики глагольного вида. Однако при анализе дефиниции Пешковского обращают на себя внимание и некоторые явные ее недостатки.

Дело в том, что обычно говорят об определении вида, и при этом данная формулировка вполне годится и для определения более широкой, функционально-семантической категории аспектuality. Слишком обобщенное определение данного понятия, сформулированное Пешковским, несомненно может включать в себя и способы глагольного действия (представляющие модификации лексико-семантической сферы аспектuality), которые также квалифицируют действие с той точки зрения, как оно протекает и распределяется во времени (ср., в частности, семантическое различие в оппозиции противоположных видов, как *раскричаться* при *кричать*, *запеть* при *петь* или внутри одного и того же вида, как *покашливать* при *кашлять*, с одной стороны, а также семантическое пересечение в разных способах действия, как, напр., *крикнуть*, *прокричать* и *закричать* или *поиграть* и *наиграться*) (см. подробно об этом: Крекич 1989). Однако для точности (и в защиту Пешковского) надо отметить, что во время первого издания классического труда автора (1914) понятия «вид» и «способы действия» еще не

различались четко, ведь основополагающая в этом отношении работа шведского лингвиста С. Агреля, вышедшая в свет только на несколько лет раньше [Agrell 1908], долгое время оставалась в литературе незамеченной.

3.1. Подчеркивание характера действия, т. е. как оно протекает во времени, представляется не самой удачной формулировкой и потому, что на этом основании с видом невольно связываются такие обстоятельственные слова, которые обычно никакого отношения к этой категории не имеют (напр. *говорить* — *быстро, медленно, ясно, вслух, с акцентом* и т. п.). Кроме того, на основе приведенной дефиниции (см. компонент «протекание во времени») остается неясным четкое различие понятий вида и времени, которые безусловно тесно связаны, но все-таки представляют в русском языке (как и в других славянских языках) разные категории. Подобная критика высказана относительно определения Пешковского С. Кароляком: «Эту формулировку трудно считать дефиницией вида: она содержит недоопределенные обороты „как протекает“ и „как распределяется“, которые допускают разные толкования. Ее, в частности, нелегко согласовать с определением значения совершенного вида как изображения действия в его неделимой целостности, как замкнутого целого, как факта или события, т. е. без протекания или распределения во времени. Впрочем, сами авторы признают, что определение Пешковского относится не только к виду, но целой сфере аспектуальности, которая кроме вида охватывает аспектуальные (акциональные) классы глаголов и разные способы действия» [Karolak 2001: 1].

4. По крайней мере частично эта проблема, на наш взгляд, устраняется в общей формулировке Б. Комри, в истолковании которого вид представляет внутреннюю темпоральную структуру ситуации (“internal temporal constituency of a situation”) [Comrie 1976: 3]. Его интерпретацию перенимает и Ф. Кифер при описании вида (аспекта) в венгерском языке, несколько модифицируя ее, применяя к действию, выраженному предложением [Kiefer 1992: 807; он же 1996: 257]. Эта дефиниция основана на различении «внешнего» времени (относящегося к дейктическим категориям) и «внутреннего» времени (утратившего дейктический характер). Если внутреннее время (действия / предложения / ситуации) представлено как открытая структура, то мы имеем дело с НСВ, если оно представлено как закрытая структура, то с СВ. Нам кажется, что подобные мысли, правда, в другой терминологии, были высказаны и в русской аспектологии: имеется в виду высказывание М. А. Шелякина о том, что действие характеризуется во времени «изнутри» (ср. Шелякин 1983: 34). Таким образом, при принятии определения Б. Комри (и вообще, оперируя понятием «внутреннего» времени), мы можем заранее исключить те недоразумения, которые могут быть вызваны упо-

треблением указанных выше наречий, а также слишком неопределенной формулировкой традиционной дефиниции.

4.1. Однако, кроме этого, следует иметь в виду еще одну трудность (с которой не считаются упомянутые определения). Аспектуальные значения, по крайней мере их следы, сохраняются и в отглагольных существительных, обозначающих действие как «опредмеченный процесс» (*nomina actionis*). В случае многочисленных примеров это довольно очевидно: ср. пары *чтение* и *прочтение*, *писание* и *написание*, *прыжок* и *прыгание*, *опоздание* и *опаздывание*, а также имперфективный характер отглагольного существительного *умирание* при «перфективном» *смерть* или перфективный характер существительных *арест*, *убийство*, *рождение* и др., которые, как указывает М. Я. Гловинская [1982: 50–54], по крайней мере в единственном числе, не могут выступать в контекстах типа «X продолжается уже третий час» (нельзя сказать: **Арест продолжается уже третий час*, но: *Аресты продолжают третий час*). Интересно отметить, что именно А. М. Пешковский, у которого определение вида, по нашему мнению, не согласуется с распространением видовых оттенков на имена существительные (из-за компонента «протекание во времени»), не просто обнаруживает видовые значения в существительных *nomina actionis*, но, переоценивая данное явление, практически устанавливает и в них категорию вида (см. Пешковский 1956: 100–101). В самом деле, русский вид в какой-то степени безусловно затрагивает и другие, выведенные из глагола части речи. В случае деепричастий и причастий, на фоне таксисных отношений, это довольно очевидно, но нельзя полностью исключить связи между некоторыми видовыми значениями и номинализацией.

5. Указанные выше факты приводят к необходимости определения вида не только как исключительной особенности глагола, но и как явления, выходящего за его пределы. С нашей точки зрения существенно следующее: распространение сохранившихся оттенков некоторых видовых значений на отглагольные имена существительные, обозначающие действие, представляется реальным (что, конечно, не отрицает того, что вид является специфической глагольной категорией). Из сказанного следует, что, согласившись с этим фактом, и в соответствии с ним, необходимо было бы сформулировать такое общее, более универсальное определение вида, которое не исключает признания видовых значений (пусть в более простой и ослабленной форме) и в сфере существительных *nomina actionis*. Такое собственно универсальное определение существует в русской аспектологии, оно основывается на отношении действия к его пределу. Насколько нам известно, понятие предела было введено В. В. Виноградовым (в 1947 г.), определившим сущность семантического различия в противоположных видах с помощью признака ограниченности / неограниченности пределом действия

[Виноградов 1986: 409]. Позже А. В. Бондарко, дополняя и уточняя определение аспектуальных отношений, основанное на общей формулировке характера протекания и распределения во времени, подчеркивает, что отношение к пределу является семантической доминантой аспектуальности [Бондарко 1983: 39]. Вопрос о семантике предела получил детальную разработку в более поздних работах автора [Бондарко 1986: 14–25; он же 1996: 121–138].

Одно из преимуществ определения вида (а также аспектуальности) с этой позиции заключается в том, что данная дефиниция без труда может быть распространена и на выражение действий, находящихся вне временной оси — обычных, нелокализованных во времени (*окно выходит на юг; собака кусается*), более того, и на «предметное» наименование действия (*скачок–скакание, чтение–прочтение*). Однако, как выше уже указывалось на это, «отношение действия к его пределу» также проявляется помимо вида и в способах глагольного действия, следовательно, эта характеристика, общая для наиболее грамматикализованного и лексико-семантического уровней аспектуальности (для вида и способов действия), должна рассматриваться как ее семантическая доминанта. Исторически видовое противопоставление возникло в результате длительного процесса грамматикализации некоторых способов действия: «Генезис славянского глагольного вида — это зарождение и формирование грамматического ядра в недрах лексической аспектуальности, в сфере способов действия, в постоянном взаимодействии с ним (...), значения видов возникают в результате преобразования наиболее обобщенных семантических противопоставлений в области способов действия» [Бондарко 1966: 84].

5.1. Стремясь при определении отграничить вид от способов действия (как и от прочих элементов аспектуальности), следует указать на то, что отношение действия к своему пределу может проявляться в рамках одного лексического значения. Тем не менее мы приходим к такому заключению, что, несмотря на грамматикализованность славянского вида (что следует из его морфологической характеристики), в определенном смысле мы должны трактовать его в качестве семантической категории, ведь исследование сущности вида — это, в первую очередь, семантическое исследование (см. Гловинская 1982, Бондарко 1996, Падучева 1996, Черткова 1996, Крекич 1997), практическое овладение видами, особенно в иноязычной среде — в первую очередь, также семантическая проблема (по сравнению с проблемами, возникающими с собственно морфологической и/или синтаксической точки зрения).

В самом общем истолковании можно сказать, что этот феномен выражает отношение к пределу с помощью противопоставленных двух рядов грамматических форм, получивших название СВ (перфектив) и НСВ (имперфектив). Поскольку вид в славянских языках принято толковать как глагольный вид (отвлекаясь от вида *nomina actionis* и

прочих неглагольных частей речи), соответственно этому, дефиницию можно конкретизировать, включая и компонент внутреннего времени, указывая и на то, что данное противопоставление выстраивается в организованную систему. Определение становится еще конкретнее, если мы включим в него и то, на чем именно основана данная оппозиция, по какому признаку противопоставлены глаголы СВ и НСВ. Это прямо приводит нас к важному исходному вопросу славянской аспектологии, вызвавшему в литературе много дискуссий, — к характеристике видовой оппозиции и проблеме определения общего значения (инварианта) видов.

На основе изложенного выше мы предлагаем следующую дефиницию (применимую, как кажется, и к славянским языкам в целом): *русский вид является семантической категорией, формирующейся морфологическими и синтаксическими средствами, характеризующей протекание действия во времени изнутри с отношением к его пределу, и способной выразить в рамках одного лексического значения формальное противопоставление двух рядов грамматических форм по признаку наличия/отсутствия ограниченного пределом целостного действия.*

В связи с дефиницией мы должны сделать следующие замечания:

а) при распространении вида на отглагольные имена существительные, обозначающие действие, следовательно, опускается компонент «протекание во времени» и снимается требование к тождеству лексических значений противопоставляемых коррелятов (типа *чтение–прочтение*);

б) связь вида с другими сферами языка, оказывающими влияние на него — с другими глагольными категориями, а также с лексикой и прагматикой — должна отражаться не в дефиниции, а в более подробном описании этой категории;

в) если мы хотим определить вид безотносительно к конкретным языкам, т. е. в самой общей форме, с той целью, чтобы дефиниция включила разнотипные виды любого языка, то необходимо опущение указания на те *формальные средства*, которые характеризуют именно славянский вид. Таким образом в основу семантики вида кладется: характеристика действия во времени изнутри, выражение действия к его внутреннему пределу и, на основе этого, образование оппозиции по признаку наличия/отсутствия ограниченного пределом целостного действия. Грамматикализованный и неграмматикализованный (или менее грамматикализованный) виды — это формально разные языковые проявления (иногда и разные терминологические интерпретации) одного и того же универсального семантического вида.

Следует, однако, отдать себе отчет, насколько бы полным предложенное определение русского (славянского) вида ни представлялось, оно не может отразить точно, во всех деталях сложившиеся в этой категории сложные отношения. Обратим внимание на следующие факты.

5.2. Указание на наличие и отсутствие некоторого признака в видовом противопоставлении свидетельствует о привативном характере этой оппозиции. Однако, как мы полагаем, противопоставление СВ и НСВ иногда (у некоторых глаголов) проявляет черты эквиполентности [Jászay 1998 и 1999]. Из сказанного следует, что одной из веских причин, вызывающих серьезные трудности при определении и описании русского вида, является именно двуликость характера видовой оппозиции. Тогда как в случае привативной оппозиции НСВ как ее слабый член определяется отрицательно, по отношению к положительному признаку СВ, при принятии эквиполентности отдельно надо определить и общее значение НСВ (т. е. не по отношению к СВ, а как инвариант равносильного положительного члена оппозиции). В этой связи следует отметить, что пока еще в аспектологии не считается окончательно решенным и определение общего значения СВ как маркированного члена привативной оппозиции: помимо его распространенного определения с помощью какого-то признака — напр., целостности, предела, смены ситуаций — делаются попытки для его определения и с помощью довольно сложного семантического толкования, из которого можно извлечь семантический примитив ‘начало’ (см. [Гловинская 1982: 107; она же 1998: 130–133]).

5.3. Затрудняет характеристику вида и то, что он представляет собой «не чистый тип» морфологических категорий. Они представлены в русском языке двумя типами: а) словоизменительным (как, напр. падеж им. существительного или род им. прилагательного) и б) классифицирующим (как род существительного). Русский глагольный вид трудно отнести безоговорочно к любому из них, он, обладая как признаками словоизменения, так и признаками словообразования, занимает промежуточное положение между этими типами.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1988 — Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке. *Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование*. Москва, 57–78.
- Апресян Ю. Д. 1997 — Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, т. 2, отв. ред. М. Ю. Черткова, Москва, 7–20.
- Бондарко А. В. 1966 — О некоторых типах эволюции грамматических категорий в их отношении к категориям понятийным. *Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка»*, ч. 1, Самарканд, 82–85.
- Бондарко А. В. 1983 — *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Ленинград.
- Бондарко А. В. 1986 — Семантика предела. *Вопросы языкознания*, № 1, 14–25.
- Бондарко А. В. 1996 — *Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии*. Санкт-Петербург.
- Виноградов В. В. ³1986 — *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва.
- Гловинская М. Я. 1982 — *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва.

- Крекич Й. 1989 — *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений*. Будапешт.
- Крекич Й. 1993 — *Побудительные перформативные высказывания*. Szeged.
- Крекич Й. 1997 — *Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматика*. Szeged.
- Маслов Ю. С. 1948 — Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Известия АН СССР, отделение литературы и языка*, т. 7, вып. 4, 303–316.
- Милославский И. Г. 1981 — *Морфологические категории современного русского языка*. Москва.
- Падучева Е. В. 1992 — Семантика и прагматика несовершенного вида императива. *Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика*. Москва, 36–55.
- Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва.
- Перцов Н. В. 2001 — *Инварианты в русском словоизменении*. Москва: Языки русской культуры.
- Пете И. 2001 — „Imperativus praesens“ и „imperativus futuri“ в русском языке. *Вестник ФГИРЯ*, № 15, спец. выпуск, Будапешт, 77–84.
- Пешковский А. М. 1956 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- ТАС 1997/2 — *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ*, т. 2, отв. ред. М. Ю. Черткова, Москва.
- Черткова М. Ю. 1996 — *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. Москва.
- Шелякин М. А. 1983 — *Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы)*. Таллин.
- Agrell S. 1908 — *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte*. Lund.
- Comrie B. 1976 — *Aspect (An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems)*. Cambridge.
- Jászay L. 1998 — К дискуссии видовой оппозиции. (Привативность или эквиполентность?) *Nyelv, stílus, irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára*. (Szerk.: Zoltán András et al.) Budapest, 270–275.
- Jászay L. 1999 — Заметки по некоторым проблемам видовой соотносительности. *Die grammatischen Korrelationen*. Ed.: Branko Tošović, Graz, 275–281.
- Karolak S. 2001 — К вопросу о понятиях и терминах славянской аспектологии. *Russian Linguistics*, No. 1, 1–21.
- Kiefer F. 1992 — Az aspektus és a mondat szerkezete. *Strukturális magyar nyelvtan 1*. Szerk.: Kiefer F. Budapest.
- Kiefer F. 1996 — Az igeaspektus areális-tipológiai szempontból. *Magyar Nyelv* XCII. 257–268.